

не лишены, если можно так выразиться, светотеневой моделировки; в образах — отзвуки «классицизма» времени Македонской династии, имеющие параллели в резьбе по слоновой кости и в миниатюрах ⁴⁷.

Не противоречит предлагаемой дате, как нам представляется, и иконография центральной сцены Распятия ⁴⁸, так же как отдельных святых. Хочется обратить внимание, в частности, на мученический тип Георгия, Дмитрия и др., держащих в руках крестики.

Строгое начертание надписи, лишенное не только украшательства, но и горизонтальных черточек у букв А, Δ, Λ и др., служит дополнительным основанием для предлагаемой датировки.

На задней крышке оклада из сокровищницы Сан-Марко, прославленного своей лицевой стороной с погрудным изображением архангела Михаила ⁴⁹, представлены в медальонах двадцать два святых; пять из них расположены на концах и на перекрестии креста, а остальные — на его обрамлении. На окладе, как и на дискосе, большое место занимает цветочный орнамент, заполняющий поверхность креста и фон, на котором выделяются медальоны. Крест (хотя и не процветший) напоминает те, что украшают задние стенки реликвариев, только место розеток занимают святые. Цветочные мотивы, да и характер их исполнения особенно близки тем, что украшают латеранский экземпляр, несколько уступая в живости передачи орнаменту Гальберштадтской патены (рис. 14, и 8,7). Лица святых не утратили индивидуальной характеристики, однако они исполнены несколько схематичнее (что сказывается, например, при изображении волос и некоторых других деталей). Хочется отметить и появление здесь воинских образов, отсутствовавших на патене. Наиболее вероятной датой для этого оклада, столичное происхождение которого, так же как и патены, не вызывает сомнений, представляется вторая половина XI в.

Другие дошедшие до нас произведения византийского чеканного искусства редко достигают столь высокого художественного мастерства. Поэтому всегда есть возможность сделать ошибку, приняв за памятники более позднего времени те, которые исполнены более слабыми мастерами.

Своеобразное место занимает серебряный оклад с изображением деисусной композиции и святых в медальонах; он, по мнению А. Гольдшмидта и К. Вейтцмана ⁵⁰, современен обрамляемой им пластинке из слоновой кости, представляющей Рождество Христово. Памятник, в целом претерпевший некоторые переделки на почве Западной Европы, датируется XI в., и с этой датой согласуется манера выполнения богатого цветочного орнамента, на фоне которого выделяются медальоны. Свободно переплетающиеся стебли и побеги стилистически близки Гальберштадтской патене. Сложнее обстоит дело с лицевыми изображениями (возможно, видоизмененными свой первоначальный облик), свидетельствующими, по-видимому, о принадлежности оклада иной мастерской.

Обращаясь к ставропекте из собрания Эрмитажа, которой мною была посвящена специальная публикация ⁵¹, я полагаю, что ее лицевая сторона, так же как оформление внутренней части, скорее всего датируется началом XII в. Не подлежит сомнению, что качество исполнения погрудных изображений святых здесь далеко уступает вышеописанным патене и окладу из Сан-Марко. Они даны более обобщенно, отступая от норм византийского «неоклассицизма». Помимо этого, привлекают к себе внимание пунктирный

⁴⁷ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. 2, № 33, 39, 43—45; K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei, Taf. XVI, № 83—86.

⁴⁸ K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei, Taf. XII, 3; A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. II, № 161, 169, 201; A. В. Банк. Византийское искусство, № 181—182.

⁴⁹ D. Talbot Rice. Op. cit. pl. XV; нижнюю крышку см. в работе: А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIII, рис. 10.

⁵⁰ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Op. cit., Bd. II, № 197, S. 73.

⁵¹ А. В. Банк. Византийские серебряные изделия. — ВВ, XIV, стр. 234—242.